

УДК 341.4

*А.А. Цветков**

ГЕНЕЗИС ТЕОРИЙ СООТНОШЕНИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА

В статье проведен анализ становления и развития института соотношения норм международного и внутригосударственного права. Проанализированы исторические аспекты соотношения указанных норм, выявлены особенности современного развития.

Ключевые слова: нормы международного и внутригосударственного права, соотношение норм, история развития международных норм.

До последнего времени проблемы соотношения международного и внутригосударственного права не являлись предметом исследования криминологов, а активно обсуждались лишь в науке международного права [21, с. 57–86].

Вместе с тем и для современной науки уголовного права актуален тезис семитомника «Курс международного права» о том, что «уяснение соотношения международного и внутригосударственного права дает возможность полнее и точнее представить себе формы и способы осуществления норм международного права внутри отдельной страны и пути устранения возникающих в процессе этого осуществления трудностей».

Можно утверждать, что с принятием 12 декабря 1993 г. Конституции РФ (ч. 4. ст. 15) вопросы соотношения международного и внутригосударственного права стали предметом исследования практически во всех отраслях правовой науки, в том числе уголовного права [22, с. 237–240].

Чтобы лучше проанализировать проблему соотношения общепризнанных принципов и норм международного права, *направленных на борьбу с преступностью*, и российского уголовного права как единого правового механизма, следует установить *генезис теорий* их соотношения, а также определить правовую природу отражения в национальном уголовном праве положений международно-правовых норм.

История любой правовой системы показывает неуклонное стремление иметь точное и ясное право. Законность, исключая возможность какого бы то ни было произвола, делается неперменной чертой права. От того, насколько полно и ясно регламентируются правовые положения, в значительной мере зависит точное и безусловное соблюдение норм национального уголовного права.

Следует согласиться с С.В. Черниченко в том, что проблема соотношения международного и внутригосударственного права проявляется в ходе внутригосударственного правотворчества и правоприменения. С одной стороны, государства стремятся избежать коллизий между своими международно-правовыми обязательствами и собственным правом, а с другой — стимулировать развитие своего права [24, с. 329].

В современной науке международного права существует четыре концепции соотношения международного и внутригосударственного права, основанные на:

* © Цветков А.А., 2015

Цветков Алексей Александрович (tsvetcov42@mail.ru), Оренбургский государственный институт менеджмента, 460019, г. Оренбург, ул. Волгоградская, 16.

- независимости международной и национальной правовых систем (дуалистическая);
- примате международного права над внутригосударственным (монистическая);
- примате внутригосударственного права над международным;
- взаимной связи международного и внутригосударственного права [3, с. 45–48].

Теория примата международного права – самая «молодая» из них, она появилась в международно-правовой науке в начале 20-х годов XX века [5, с. 71]. Так, в США почти все юристы-международники (Хайд, Гросс, Джессеп, Иглтон и др.) выступают сторонниками данной теории [1, с. 83–84]. Например, Ч. Хайд предлагает нормы международного права «рассматривать как внутригосударственное право каждого отдельного государства, действующее на территории, находящейся под контролем этого государства» [23, с. 77].

Идея примата международного права над внутригосударственным содержалась также в работах русских юристов конца XIX – начала XX века (П. Казанский, А. Яценко и др.). А. Яценко признавал преимущество международного права над государственным, считая, что «есть высшая форма права над индивидами и государством, высшая над управляющими и управляемыми, что она возлагается и на тех и на других» [26, с. 42]. Наиболее полная разработка концепции примата международного права над внутригосударственным правом при рассмотрении вопросов соотношения этих правовых систем представлена в работах австрийского правоведа Ганса Кельзена «Чистая теория права» (1934 г.) и «Принципы международного права» (1952 г.) [2, с. 48].

Теоретики уголовного права за рубежом, копируя «идею» о сверхнациональных инстанциях, возвышающихся над суверенными государствами, выдвигают мысль о безусловном примате международного уголовного права над национальным. Так, проходивший в 1950 году в Лондоне конгресс американской «Bar Association» принял резолюцию о примате международного уголовного права над национальным [19, с. 274].

Теория примата внутригосударственного права является монистической теорией, так как говорит о единстве исследуемых систем права, фактически определяя международное право как отрасль внутригосударственного права [5, с. 71].

В учебнике 1940 года по теории государства и права (авторы – профессора М.С. Строгович и С. А. Галунский) при характеристике места международного права как отрасли права говорилось: «Международно-правовые договоры СССР с капиталистическими государствами закрепляют их взаимные права и обязанности. Поскольку в этих договорах выражаются те политические принципы, которые проводит СССР и которые лежат в основе политики СССР, международное право должно быть включено в систему советского права как его отрасль, хотя в установлении его норм участвует не только СССР, но и капиталистическое государство, с которым заключается соглашение». Авторы, по сути дела, определяли международное право как внешнегосударственное право Советского Союза [18, с. 192].

Дуалистическая теория соотношения внутригосударственного и международного права, возникшая почти одновременно с теорией примата внутригосударственного права, исходит из признания независимости международного права от внутригосударственного права и равнозначности этих двух систем права. Она рассматривает международное и внутригосударственное право как совершенно самостоятельные и равноценные, вернее, «равносильные», системы права, имеющие различные источники (соответственно международный договор и внутригосударственный закон) и разный круг регулируемых ими правоотношений.

Признавая международное и внутригосударственное право самостоятельными системами права, отнюдь не находящимися в состоянии соподчиненности, советская

правовая наука исходила из того, что обе эти правовые системы находятся во взаимодействии друг с другом, влияют друг на друга в процессе развития [5, с. 15].

Основоположники дуалистической теории Триппель и Анцилотти характеризуют ее так: «нормы международного права не могут существовать как производные по своей форме от норм внутригосударственного права, а нормы внутригосударственного права не могут быть обязательными в силу основной нормы международного права» [5, с. 52].

Из советских ученых, исследовавших проблему соотношения международного и национального права и придерживающихся дуалистической концепции, можно назвать Э.М. Аметистова, И.П. Блищенко, В.Г. Буткевича, А.С. Гавердовского, В.Н. Дурденевского, Г.В. Игнатенко, Ф.И. Кожевникова, Е.А. Коровина, А.М. Ладыженского, Д.Б. Левина, Л.А. Лунца, Н.М. Минасяна, Н.В. Миронова, Р.А. Мюллерсона, Г.И. Тункина, Е.Т. Усенко, Н.А. Ушакова, С.В. Черниченко, В.М. Шуршалава и др.

Анализ мнений советских ученых, исследующих проблему соотношения международного и внутригосударственного права, позволяет выделить следующие положения: сама постановка вопроса о приоритете одной из систем до последнего времени являлась беспредметной [15, с. 97]; международное и национальное право рассматриваются как различные системы права [13, с. 82]; признавалась теория раздельности двух правопорядков – международного и государственного [11, с. 26], где, по мнению Д.Б. Левина, коллизии между нормами международного и внутригосударственного права невозможны [9, с. 128].

Договорная и законодательная практика того времени не дает примеров столкновений или несоответствия между законами и международными договорами.

Совершенно иным положением, в отличие от советской концепции 50-х годов, является признание приоритета международного права над национальным (внутригосударственным) правом в наше время.

Интересно, что первоначально к идее приоритета международного права в советской юридической литературе подходили осторожно, позволяя «говорить только о верховенстве определенных норм международного права над определенными нормами национального права, а не о примате международного права как системы над национальным правом как системой» [13, с. 82].

Сейчас же предлагается пересмотреть все наше законодательство «установив везде примат международного права» [6, с. 140] и признать, что «в ближайшем будущем принцип примата международного права утвердится как общий принцип права, признанный цивилизованными нациями» [10, с. 7].

Однако не все авторы разделяют эти точки зрения. Так, по мнению З.А. Незнамовой, «закрепленное в Конституции общее правило о приоритете норм международного права над нормами национального законодательства неприменимо к уголовному праву» [14, с. 23].

Думается, что данное положение вряд ли может быть принято, так как приоритет, в частности при правотворчестве, норм международного права перед национальными уголовно-правовыми нормами бесспорен и вытекает из принятых Россией международных обязательств в сфере борьбы с преступностью и установления стандартов обращения с правонарушителями.

Учитывая конституционное положение о приоритете норм международного права в нашей стране (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ), Россию с полным основанием следует отнести к таким государствам, как ФРГ, Италия, Греция, Франция и др., основные законы которых провозглашают нормы международного права выше права страны.

Основные законы этих государств содержат общую отсылку к международным договорам, и в силу этого международные договоры в принципе могут действовать внутри страны, в сфере действия национального права.

Первая конституция, которая провозгласила международные договоры частью права страны, — это действующая и ныне Конституция США 1787 года. В Боннской Конституции 1949 года записано, что «нормы международного права стоят выше федеральных законов и непосредственно определяют права и обязанности жителей союзной территории». Статья 10 Конституции Италии 1947 года также утверждает приоритет международного права над внутрисоюзным: «итальянский правовой строй согласуется с общепризнанными нормами международного права» [17, с. 256].

Признание международных норм частью права страны являлось одним из условий вступления России в Совет Европы. Выполнение этого правила обязательно для всех государств, законодательство которых не содержит норм, санкционирующих действие норм международного права внутри страны.

Обращаясь к истории развития общества, можно найти примеры, когда национальное уголовное законодательство заимствовало отдельные нормы и даже правовые институты из системы права иностранного государства, а также примеры, когда уголовно-правовые акты одного государства являлись источниками другого государства или группы государств. Большинство уголовно-правовых актов государств было сформировано на основе унифицированных норм и ведущих правовых идей нескольких стран. Например, такие исторически значимые источники уголовного права, как Литовский статут и Каролина, по отношению к уголовному законодательству других государств в свое время имели такое же значение, что и впоследствии общие нормы международного права, которые создавались также на основе накопленного законодательского опыта различных стран.

Введение иностранных норм в национальное уголовное законодательство было направлено на устранение пробелов в уголовном законе государства, а также способствовало общему развитию отрасли национального уголовного права.

В истории содержится множество примеров заимствования норм права одним народом у другого. По мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, племенная жизнь славян могла бы долго обходиться тем неизменным запасом юридических норм, которые были выработаны обычаями. Но вместе с принятием христианства на Руси прежний уровень обычного права был поколеблен, и именно это принудило славян согласовать свои отечественные нормы с чужеземными [7, с. 89]. Так возникли первые договоры русских с греками [12, с. 27].

В Россию со времени принятия ею христианства вместе с остальными греческими церковно-служебными книгами проникли и Номоканоны, которые «были известны у нас очень рано — еще в домонгольские времена» [16, с. 11], получившие на Руси название Кормчих книг.

Произошла рецепция некоторых греческих сборников, которые получили значение действующего права и послужили источниками древнего российского законодательства, а сфера действия рецепированного права распространялась в некоторых отношениях на все гражданское общество, в том числе уголовное право.

С византийским правом в Древнюю Русь проникла, например, новая система наказаний, а именно: поток и разграбление, телесные наказания болезненные и членовредительные. «Под влиянием греческих епископов князь Владимир ввел впервые в карательную систему смертную казнь» [16, с. 360], тогда как подобные наказания в прошлом исконного русского права не имели никаких корней.

В октябре 1649 года было составлено и получило обязательную силу Соборное Уложение царя Алексея Михайловича, которое основывалось на различных источни-

ках права. В предисловии к Уложению 1649 года говорится: «Каковые статьи написаны в правилах св. апостол и св. отец и в градских законах греческих царей» [12, с. 55].

Воинские Артикулы Военного Устава Петра I заимствовали немецкие законы — Саксонский, Уголовные Шведские Уставы и «Воинский артикул Густава Адольфа 1683 г.». В составлении последующих законов редакторы также руководствовались примером иностранных законодательств. Так, Уложение о наказаниях Уголовных и Исправительных 1857 года вмещало в себе семь зарубежных уголовных кодексов. Следующее Уложение о наказаниях использовало уже пятнадцать уголовных законов различных стран.

Нельзя переоценить то огромное влияние, которое еще в большей степени, чем на Россию, оказало римское право на развитие законодательства стран Западной Европы. Так, во Франции в XII веке, а в Германии немного позже законодательство Юстиниана сделалось действующим общим правом по всем делам. В 1532 году, в год появления общего Имперского устава, известного под именем «Каролина», римское право было принято в Германии как вспомогательное право.

Многие положения и институты римского права использовались также в Шотландии, Португалии [17, с. 36, 158]. Во времена Республики Соединенных провинций (XVII в. — 1795 г.) получила широкое распространение система римско-голландского права, в которой своеобразно переплетались традиционные институты римского права, нормы средневекового права германских государств и торговые обычаи портовых городов [17, с. 131–132].

Французские правовые обычаи, в свою очередь, формировались под сильным влиянием римского и канонического права либо же обычного права древнегерманских племен [17, с. 202]. Существенным дополнением к местным источникам права Швейцарии наряду с отдельными принципами и нормами римского права служило уголовно-судебное уложение Каролина Карла V, которое было официально признано действующим швейцарским уголовным правом [17, с. 222].

В некоторых европейских странах попытки возрождения непосредственного применения византийского права сочетались с изданием кодексов, составленных под влиянием либо же заимствованных из законодательства других европейских государств (Греция, Мальта) [17, с. 68, 127].

В догроцианский период в Англии внешние связи находились под влиянием европейских концепций «единства духовной и светской власти, практики европейских государств, они основывались на статутах, которые учитывали континентальную практику» [4, с. 112].

Что касается международного обычного права, то еще в середине XVIII в. известный английский судья Блэкстон обосновал доктрину «инкорпорации», именуемую «блэкстонианской» доктриной. Согласно этому учению, международное обычное право рассматривается как часть общего права (Common Law). В 1765 г. Блэкстон заявил, что право наций (Law of Nations) «признается в полном объеме общим правом, и оно действует как часть права страны» [8, с. 10].

И в XIX веке в Европе некоторые законы были составлены по образцу чужеземных уложений. Так, например, неаполитанское и сардинское уложения — на основании Кодекса Наполеона; греческое уложение почти совершенно сходно с проектом баварского уложения 1831 года.

В свою очередь, «французское уголовное законодательство оказало влияние на западно-европейского законодателя. Кодекс Наполеона 1810 года послужил образцом для многих стран, в том числе для Германии» [20, с. 70].

На основании изложенного можно сделать вывод, что еще с древних времен в законодательствах России и государств Западной Европы иностранные правовые нормы

заимствовались национальным законодательством. Анализ памятников уголовного права различных государств дает подтверждение тому, что рецепированные нормы являлись действующим правом страны. И наряду с национальными уголовными законами целые кодексы (уложения, уставы) непосредственно применялись на территории государства в отношении своих граждан.

Обращение к памятникам права разных государств показывает, что заимствование иностранных норм в национальное уголовное законодательство имело место на протяжении жизни всего человечества, поэтому естественно тяготение государства, его правоприменительных органов к более эффективным правовым средствам.

Библиографический список

1. Leiden Jel. 1990. Vol. 3. № 3. P. 83–84.
2. Абдулаев М.И. Примат международного права над внутригосударственным: история и современность // Правоведение. 1992. № 4.
3. Анцилотти Д. Курс международного права. М., 1961. Т. 1.
4. Батлер У.Э. Взаимодействие международного и национального права // Сов. гос-во и право. 1987. № 5.
5. Блищенко И. П. Международное и внутригосударственное право. М.: Международ. отношения, 1960.
6. Блищенко И. П. Некоторые проблемы советской науки международного права // Сов. гос-во и право. 1991. № 3.
7. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Петроград, 1915.
8. Денисов В.Н. Развитие теории и практики взаимодействия международного права и внутреннего права // Реализация международно-правовых норм во внутреннем праве. Киев: Наукова думка, 1992.
9. Левин Д.Б. Основные проблемы современного международного права. М.: Госюриздат, 1958.
10. Лукашук И.И. Международное право в судах государств. СПб.: СКФ «Россия-Нева». 1993.
11. Макаров А.Н. Обычные начала международного права. М.: Юриздат, 1924.
12. Малиновский И.М. Лекции по истории русского права.
13. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М.: Международ. отношения, 1982.
14. Незнамова З.А. Коллизии в уголовном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 1995.
15. Поленина С.В. Взаимодействие международной и внутригосударственных правовых систем // Правовая система социализма. М.: Юрид. лит., 1987.
16. Радин И.М. Учебник истории русского права. Пг., 1915.
17. Решетников Ф.М. Правовые системы стран мира: справочник. М.: Юрид. лит., 1993.
18. Строгович М.С., Галунский С.А. Теория государства и права: учебник. М., 1940.
19. Трайнин А.Н. Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М.: Юриздат, 1956.
20. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1929.
21. Усенко Е.Т. Теоретические проблемы соотношения международного и внутригосударственного права. СЕМП, 1977. М., 1979.
22. Уголовное право (раздел «Международное уголовное право и национальное уголовное право»): учебник для вузов / под ред. Р.А. Адельханяна. М.: Волтерс Клувер, 2004.
23. Хайд Ч. Международное право, его понимание и применение Соединенными Штатами Америки. Т. 1. М.: Иностр. лит-ра, 1950.
24. Черниченко С.В. Теория международного права: в 2 т. Т. 2: Старые и новые теоретические проблемы. М.: Изд-во «НИМП», 1999.
25. Шуршалов В.М. Теория международного договора. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959.
26. Яценко А. Международный федерализм. М., 1908.

References

1. Leiden Jel, 1990, Vol. 3, no. 3, pp. 83–84 [in German].
2. Abdulaev M.I. Primacy of international law over internal law: history and modernity. *Pravovedenie* [Jurisprudence], 1992, no. 4 [in Russian].
3. Anzilotti D. Course in international law. M., 1961, Vol. 1 [in Russian].
4. Butler W.E. Interaction of international and national law. *Sov. gos-vo i pravo* [Soviet state and law], 1987, no. 5 [in Russian].
5. Blishchenko I.P. International and domestic law. M., *Mezhdunarod. otnosheniia*, 1960, p. 71 [in Russian].
6. Blishchenko I.P. Some problems of Soviet science of international law. *Sov. gos-vo i pravo* [Soviet state and law], 1991, no. 3 [in Russian].
7. Vladimirsky-Budanov M.F. Overview of the history of Russian law. Petrograd, 1915 [in Russian].
8. Denisov V.N. Development of the theory and practice of interaction between international law and domestic law in *Implementation of international legal norms in domestic law*. Kiev, NAUKOVA DUMKA, 1992 [in Russian].
9. Levin D.B. Basic problems of modern international law. M., Gosiurizdat, 1958 [in Russian].
10. Lukashuk I.I. International law in the courts of states. SPb., SKF «Rossiia-Neva», 1993 [in Russian].
11. Makarov A.N. Normal sources of international law. M., Iurizdat, 1924, p. 26 [in Russian].
12. Malinovsky I.M. Lectures on the history of Russian law. [in Russian].
13. Mullerson R.A. Correlation of international and national law. M., *Mezhdunarod. otnosheniia*, 1982 [in Russian].
14. Neznamova Z.A. *Kollizii v ugovnom prave. Avtoref. dis...dok. iurid. nauk* [Collisions in penal law. Extended abstract of Doctor's of Law thesis]. Ekaterinburg, 1995, p. 23 [in Russian].
15. Polenina S.V. Interaction of international and domestic legal systems. *Legal system of socialism*. M., Iurid. lit-ra, 1987, p. 97 [in Russian].
16. Radin I.M. Textbook of history of Russian law. Petrograd, 1915 [in Russian].
17. Reshetnikov F.M. Legal systems of the countries of the world. Guide. M., Iurid. lit., 1993 [in Russian].
18. Strogovich M.S., Golunski S.A. Theory of state and law. Textbook. M., 1940 [in Russian].
19. Traynin A.N. Defence of peace and fight with crimes against humanity. M., Iurizdat, 1956 [in Russian].
20. Traynin A.N. Criminal law. General part. M., Izd-vo Mosk. gos. un-ta, 1929 [in Russian].
21. Usenko E.T. Theoretical problems of correlation between international and domestic law. SEMP, 1977. M., 1979 [in Russian].
22. Criminal law. (Section «International criminal law and national criminal law»). College textbook. P.A. Adilhanyan (Ed.). M., Volters Kluver, 2004 [in Russian].
23. Hyde Ch. International law, its understanding and application of the United States of America. Volume 1. M., Inostr. lit-ra, 1950 [in Russian].
24. Chernichenko S.V. Theory of international law. In 2 Volumes. Volume 2: Old and new theoretical problems. M., Izd-vo «NIMP», 1999 [in Russian].
25. Shurshalov V.M. Theory of international treaty. M., Izd-vo Akad.nauk SSSR, 1959 [in Russian].
26. Yashchenko A. International federalism. M., 1908 [in Russian].

*A.A. Tsvetkov****GENESIS OF THEORIES OF CORRELATION OF NORMS
OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW**

In the article the analysis of formation and development of an institute of correlation of international and municipal law norms is carried out. Historical aspects of relationship of these norms are analyzed, peculiarities of modern development are identified.

Key words: norms of international and domestic law, ratio of norms, history of development of international norms.

* *Tsvetkov Alexei Alexandrovich* (tsvetcov42@mail.ru), Department of Civil Law and Process, Orenburg State Institute of Management, 16, Volgogradskaya Street, Orenburg, 460019, Russian Federation.